

Рэй Брэдбери. Подмена

В чем тут собственно проблема? Проблема развития науки - человеческие чувства обесценились, их пытаются сохранить с помощью механических копий. Сам человек пересыщен и не нуждается в них. Тот кто любит по-настоящему - страдает, очень больно осознавать, что дарил свои чувства только копии. Человеку свойственно злоупотреблять благами цивилизации. Это говорит о противоречивости и общественного прогресса, обесценивания морали и чувств, которые не терпят фальши.

К восьми часам она приготовила длинные сигареты, достала хрустальные бокалы, опустила зеленую бутылку в серебряное ведерко с мелко наколотым льдом. Огляделась: картины висят ровно, пепельницы расставлены, как полагается. Тогда она взбила диванную подушку, отступила назад и прищурилась. А после заспешила в ванную и вернулась с пузырьком стрихнина, который предстояло засунуть под газеты на журнальном столике. Молоток и тонкий нож для колки льда уже лежали в нужных местах.

Она была во всеоружии.

Словно проведая об этом, тут же задребезжал телефон. В трубке прозвучало:

— Я уже поднимаюсь.

Он звонил из лифта, бесшумно плывущего по железной глотке здания, а сам тем временем приглаживал аккуратно подстриженные тонкие усы, поправлял белый летний пиджак и черный галстук. Сейчас он проведет рукой по светлым, чуть седеющим волосам — импозантный пятидесятилетний мужчина в прекрасной форме, сохранивший живость характера и охоту наносить визиты красивым женщинам слегка за тридцать, знающий толк в вине и прочих удовольствиях.

— Предатель — шепнула она у двери за миг до того, как послышался негромкий стук.

— Добрый вечер, Марта, — сказал он. — Так и будешь разглядывать меня с порога? — Она коснулась губами его щеки. — Это называется поцелуй? — В его голубых глазах мелькнуло недоумение. — Ну-ка. — Он показал ей пример.

Закрыв глаза, она думала: разве не то же самое повторялось неделю, месяц, год назад? Откуда у меня эти подозрения? Какая-то мелочь. Сущий пустяк, даже не выразить словами. Что-то в нем изменилось — неуловимо, но бесповоротно. От этой бесповоротной, решительной перемены она потеряла сон. Вскакивала с постели в три часа ночи, чтобы успеть до утра слетать на вертолете в сторону побережья, где без перерыва крутили кино, проецируя изображение прямо на облака неподалеку от Станции, причем фильмы были старые, тысяча девятьсот пятьдесят пятого года: неисчерпаемые, как

воспоминания о прошлом, они брезжили в океанской дымке над темной водой, а голоса актеров плыли по волнам прилива, словно голоса богов. Вот уже два месяца ее не отпускала усталость.

— Не чувствую отклика. — Он отстранил ее от себя и окинул критическим взглядом. — Ты чем-то расстроена, Марта?

— Ничем, — ответила она.

А про себя подумала: всем. И добавила: тобой. Где ты сейчас, Леонард? С кем танцуешь весь вечер, с кем пьешь вино в апартаментах на другом конце города, с кем любезничаешь? Ты определенно не здесь, в этой квартире тебя нет и не было, и мне не составит труда это доказать.

— Что я вижу? — изумился он, глядя под ноги. — Молоток? Собираешься вешать картины, Марта?

— Нет, — засмеялась она, — собираюсь тебя убить.

— Вот оно что, — улыбнулся он. — Придется тебя задобрить. — И протянул ей бархатный футляр, в котором лежала нитка жемчуга.

— Ах, Леонард! — Дрожащими руками застегнув ожерелье на шее, она обернулась к нему. — Ты меня балуешь.

— Пустяки, — бросил он.

В такие минуты она почти забывала о своих подозрениях. Между ними все осталось по-прежнему, разве не так? Разве он к ней охладел? Конечно нет. Он по-прежнему внимателен, ласков и щедр. Каждый раз дарит ей украшения — то на палец, то на запястье. Почему же с недавних пор ей с ним так одиноко? Почему она не ощущает его присутствия? Кажется, все началось с газетной фотографии. Пару месяцев назад, семнадцатого апреля, его сфотографировали с Алисой Саммерс в заведении под названием «Клуб». Снимок попался ей на глаза только месяц спустя; тогда она ему сказала:

— Леонард, ты не рассказывал, что семнадцатого апреля водил в «Клуб» Алису Саммерс.

— Не рассказывал? Ну, да, было такое.

— Насколько я помню, тот вечер ты провел со мной.

— Что-то здесь не сходится. Мы с тобой обычно ужинаем, а потом до утра пьем вино под симфоническую музыку.

— Ошибки быть не может, Леонард: семнадцатого апреля ты приходил ко мне.

— Боюсь, ты захмелела, дорогая. Не ведешь ли ты дневник?

— Я уже не в том возрасте.

— То-то и оно. Нет дневника — нет и точных записей. Значит, я приходил к тебе либо накануне, либо следующим вечером. Хватит об этом, Марта, выпей вина.

Но это ее не убедило. В ту ночь ей не спалось: чем больше она раздумывала, тем сильнее укреплялась в мысли, что вечер и ночь семнадцатого апреля он провел с ней. Но так не бывает. Не мог же он одновременно находиться в двух местах.

Теперь они оба устали и лежали на лежащий под ногами молоток. Марта подняла его с пола и положила на журнальный столик.

— Поцелуй меня, — неожиданно для себя самой выговорила она, потому что именно сейчас ей нестерпимо захотелось во всем разобраться.

Он уклонился:

— Для начала — немного вина.

— Нет, — заупрямилась она и сама бросилась его целовать.

Так и есть. Вот оно, различие. Совсем незначительное изменение. О таком никому не поведаешь, даже не опишешь словами. Бессмысленно растолковывать слепому, как выглядит радуга. Как бы то ни было, его поцелуй приобрел неуловимо иной вкус. Поцелуй мистера Леонарда Хилла стал другим. Не сказать, что он решительно отличался от прежнего, но все же перемена была налицо, и у нее в подсознании закрутились какие-то шестеренки. Что мог бы показать химический анализ влаги, взятой с его губ? Нехватку каких-то бактерий? А сами губы сделались не то мягче, не то жестче. Что-то безотчетно изменилось.

— Теперь, так и быть, — вино, — сказала она, откупоривая бутылку и наполняя его бокал до краев. — Ой, будь добр, сходи на кухню за подставками.

Стоило ему выйти, как она высыпала ему в вино стрихнин. Вернувшись с подставками, он принял у нее из рук свой бокал:

— За нас.

«Боже, — пронеслось у нее в голове, — а вдруг я ошибаюсь? Вдруг это действительно он? Вдруг у меня паранойя, помутнение рассудка, а я и не догадываюсь?»

— За нас. — Она тоже подняла бокал.

По обыкновению, он выпил залпом.

— Господи! — Его передернуло. — Ну и отравы! Откуда это у тебя?

— Из «Модести».

— Больше никогда такого не покупай. Давай-ка я закажу по телефону что-нибудь получше.

— Подожди, у меня в холодильнике кое-что припасено.

Когда она вернулась в комнату с другой бутылкой, он как ни в чем не бывало сидел на диване, бодрый и оживленный.

— Отлично выглядишь, — сказала она.

— И чувствую себя отлично. А ты похорошела! Кажется, я люблю тебя еще сильнее, чем прежде!

Она ждала, что он вот-вот завалится на бок и остановит на ней остекленевший взгляд мертвеца.

— Продегустируем, — сказал он, вытаскивая пробку.

Вина хватило на час. Все это время он без устали забавлял Марту смешными историями, держа ее за руку и перемежая рассказы нежными поцелуями. Наконец, глядя ей прямо в глаза, он проговорил:

— Ты совсем притихла, Марта. Значит, все-таки расстроена?

— Вовсе нет.

На прошлой неделе в новостях показали сюжет, который, собственно, и внушил ей тревогу, а потом подсказал план действий; тот же сюжет объяснял, почему ей одиноко в его присутствии. Речь тогда шла о марионетках. О компании «Марионетт Инкорпорейтед». На самом деле такой компании, разумеется, не существовало. Просто поползли странные слухи. Полиция начала расследование.

Искали больших механических кукол, которые выпускались в условиях строгой секретности, дублировали внешность конкретного человека и двигались безо всяких веревочек. Поговаривали, на черном рынке стоимость такой марионетки достигала десяти тысяч долларов. С заказчика якобы снимали мерку и делали ему двойника. Кому осточертели светские мероприятия, тот мог просто заказать свою точную копию, способную пить, есть, обмениваться рукопожатиями и болтать за столом хоть с миссис Райнхарт, сидящей по правую руку, хоть с мистером Симмонсом, сидящим по левую руку, хоть с мисс Гленнер, сидящей напротив.

Подумать только: можно оградить себя от надоевших политических дискуссий! Можно не ходить на idiotские спектакли. Можно осадить любого зануду, не говоря ему худого слова. Наконец, можно на время забыть свою драгоценную возлюбленную, не разрывая отношений. И рекламный слоган придумать нетрудно. «Она не узнает». Или так: «Не признавайся даже лучшим друзьям». Или вот так: «Ходит, ест и пьет, хандрит, даже "мама" говорит».

От этих мыслей у нее едва не случилась истерика. Конечно, существование таких марионеток еще не доказано. Просто-напросто очередной слух, но чувствительную натуру это приводит в ужас.

— Снова витаешь в облаках, — заметил он, выводя ее из задумчивости. — Чем занята твоя прелестная головка?

Она посмотрела на него в упор. Какой ужас: в любую минуту он может забиться в судорогах и умереть. Как горько она будет раскаиваться за свою ревность.

Тут у нее невольно вырвалось:

— Твои губы... у них странный привкус.

— Вот так раз, — протянул он. — По-твоему, нужно с этим что-то делать?

— Это началось не сегодня.

Впервые на его лице отразилось беспокойство.

— Неужели? Прости. Я посоветуюсь с врачом.

— Ничего страшного в этом нет.

Ее охватил озноб, сердце застучало сильнее. Так и есть: его губы. Неужели химия достигла таких высот, что позволяет анализировать и в точности воспроизводить вкус? Трудно в это поверить. Вкусовые ощущения индивидуальны. Она ощущает вкус так, а кто-то другой — иначе. Тайное стало явным. Ее терпение лопнуло. Подойдя к дивану, она нагнулась и вытащила из-за подушки пистолет.

— Что я вижу? — Он вытаращил глаза и рассмеялся. — Да у тебя пистолет! Ну и спектакль!

— Со мной такие номера не проходят, — бросила она.

— Какие еще номера? — холодно переспросил он, стиснул зубы и заморгал.

— Ты меня обманывал. Тебя здесь не было по меньшей мере полтора месяца.

— Да что ты говоришь? А где же я был?

— Ты был с Алисой Саммерс, ни минуты не сомневаюсь. Готова поспорить, ты и сейчас с ней.

— Разве такое возможно? — спросил он.

— Не имею чести знать Алису Саммерс, в глаза ее не видела, но могу позвонить ей домой прямо сейчас.

— Давай, звони.

— И позвоню. — Она направилась к телефону.

Ее дрожащие пальцы набрали номер справочного бюро. В ожидании ответа она не спускала глаз с Леонарда, а он изучал ее с видом врача, заметившего типичные симптомы болезни.

— У тебя пошатнулось здоровье, — сказал он. — Марта, солнышко...

— Сидеть!

— Марта, дорогая моя, — прижавшись спиной к диванной подушке, он усмехнулся, — откуда у тебя такие мысли?

— Читала кое-что о марионетках.

— Эту ересь? Мне за тебя стыдно, Марта. Полная чушь от начала до конца. Я специально наводил справки!

— Что?!

— А как же иначе? — Он был явно доволен собой. — У меня масса светских обязанностей, а моя бывшая жена, как тебе известно, вернувшись из Индии, не отпускала меня ни на шаг, вот я и подумал: хорошо бы для отвода глаз обзавестись двойником, чтобы пустить жену по ложному следу и в то же время не оставлять ее одну. Вот было бы славно, правда? Оказалось, это все враки. Я так и остался в единственном экземпляре. А теперь отойди от телефона, давай выпьем вина.

Она не спускала с него глаз. Поверив ему, уже почти повесила трубку, но тут до ее сознания дошло слово «вино». Страхнув оцепенение, она сказала:

— Постой-ка. Ты же не можешь со мной разговаривать! Я подсыпала тебе в вино яду — столько, что хватило бы на шестерых. А тебе хоть бы что. Это говорит само за себя, правда?

— Ни о чем это не говорит. Разве что об ошибке аптекаря, который снял с полки не тот пузырек. Жаль тебя разочаровывать, но я чувствую себя великолепно. Будь умницей, перестань терзать телефон.

Она все еще сжимала в руке телефонную трубку. Оттуда донеслось:

— Нужный вам номер: АБ — двенадцать — двести сорок девять.

— Хочу удостовериться, — сказала она ему.

— Ради бога. — Он пожал плечами. — Коль скоро мне нет доверия, больше я сюда не приду. А вам, милостивая госпожа, требуется хороший психиатр. Если еще не поздно.

— Я хочу удостовериться, — повторила она. — Алло, коммутатор? Будьте добры, соедините меня с номером АБ — двенадцать — двести сорок девять.

— Марта, прекрати. — Он сделал последнюю попытку, даже протянул руку, но не двинулся с места.

На другом конце провода раздались длинные гудки. Наконец кто-то ответил. С минуту Марта прислушивалась, а потом бросила трубку.

Глядя ей в глаза, Леонард спросил:

— Ну, как? Довольна?

— Вполне, — процедила она и подняла пистолет.

— Нет! — Он вскочил с кресла.

— В трубке был твой голос, — сообщила она. — Ты был с ней!

— Да ты рехнулась! — снова закричал он. — Боже мой, это ошибка, там был кто-то другой, ты переутомилась, тебе мерещится!

Пистолет выстрелил раз, другой, третий.

Он рухнул как подкошенный.

Подбежав, она склонилась над ним. Ей стало страшно; она содрогнулась от рыданий. Ее поразило, что Леонард упал к ее ногам. Она-то воображала, что марионетка, целая и невредимая, останется стоять и только посмеется.

— Я ошиблась. Сошла с ума. Это Леонард Хилл, погибший от моей руки.

Он лежал с закрытыми глазами; губы едва заметно шевелились:

— Марта, почему тебе не жилось одной, ах, Марта!

— Я вызову врача, — прошептала она.

— Нет-нет-нет! — Его вдруг разобрал смех. — Тебе нужно кое-что осмыслить. Что же ты наделала? Впрочем, это я дал маху, просто не подумал.

Пистолет выпал из ее разжатых пальцев.

— Я... — Он давился смехом. — Я здесь не показывался... целый год!

— Что?

— Целый год, двенадцать месяцев! Вот так-то, Марта, двенадцать месяцев!

— Ложь!

— Ага, теперь сама не веришь, да? Что же так изменилось в считанные секунды? Думаешь, я — Леонард Хилл? Как бы не так!

— Значит, это был ты? Только что, в доме Алисы Саммерс?

— Я? Еще не хватало! С Алисой я познакомился год назад, как только бросил тебя.

— Ты меня бросил?

— Да, бросил, бросил, бросил! — Он захлебывался от смеха, катаясь по полу.

— Я измучен жизнью, Марта. У меня слабое сердце. Эти гонки с препятствиями даром не проходят. Однако мне хотелось разнообразия. И я

стал ухлестывать за Алисой, но она мне надоела. Завел роман с Элен Кингсли — ты, наверно, ее помнишь. Она мне тоже наскучила. Потом была Энн Монтгомери. И опять меня хватило ненадолго. Ах, Марта, у меня по меньшей мере шесть клонов, заводных притворщиков, которые отбывают повинность в разных концах города, ублажая шестерых дамочек. А знаешь ли ты, чем я на самом деле сейчас занимаюсь? Я, собственной персоной? Впервые за тридцать лет пришел домой пораньше и лег в свою постель, чтобы почитать любимую книжку — «Опыты» Монтеня, выпить стакан горячего шоколадного молока и ровно в десять выключить свет. Вот уже час я беспробудно сплю сном младенца и собираюсь проспать до утра, чтобы встать отдохнувшим и свободным.

— Замолчи! — взвизгнула она.

— Должен тебе кое в чем признаться, — сказал он. — Твои пули перебили мне пару связок, теперь я не могу встать. Но если приедут врачи, они в любом случае меня здесь не застанут. Я не лишен недостатков. Близок к совершенству, но все же не лишен недостатков. Ах, Марта, не хотелось мне тебя обижать. Поверь. Я только хотел, чтобы ты была счастлива. Потому-то и обставил свой уход с такой тщательностью. Отдал полторы тысячи за свою копию, безупречную во всех отношениях. Но всегда остается некий предел погрешности. В моем случае подвела слюна. Досадная неточность. Она-то тебя и насторожила. И все равно, знай: я тебя любил.

Она еле держалась на ногах, чувствуя, что теряет рассудок. Нужно было заткнуть ему рот.

— А когда я понял, что те, другие, тоже меня любят, — шептал он, глядя в потолок широко раскрытыми глазами, — пришлось одарить клонами и остальных. Бедняжки, они так нежно ко мне относятся. Только ничего им не говори, ладно, Марта? Пообещай не выдавать меня. Я состарился и очень устал; все, что мне нужно, — это покой, хорошая книга, стакан молока и здоровый сон. Ты ведь не станешь об этом трезвонить?

— Весь этот год, целый год я была одна, одна каждый вечер. — От этой мысли она похолодела. — Моим возлюбленным оказался механический чурбан! Я любила пустое место! А ведь за это время можно было найти нормального человека!

— Я могу по-прежнему тебя любить, Марта.

— О господи! — вскричала она, хватаясь за молоток.

— Не смей, Марта!

Сначала она расколола череп, потом стала наносить удары по груди, по дергающимся рукам и ногам. Долго била размягчившуюся голову, и наконец внутри блеснула сталь, лопнули провода, а на комнату обрушилась лавина медных гаек и каких-то мелких деталей.

— Я тебя люблю, — твердили мужские губы.

Она ударила по ним молотком, да так, что язык вывалился изо рта. По ковру покатались стеклянные глазные яблоки. Она колотила бесполезный металл, пока не расплющила его на полу, как игрушечный поезд. И без умолку хохотала.

На кухне нашлось несколько картонных коробок. Она погрузила в них шестеренки, обрывки проволоки и металлический мусор, а сверху заклеила. Через десять минут уже прибыл вызванный по телефону рассыльный.

— Доставишь эти коробки мистеру Леонарду Хиллу: Элм-стрит, дом семнадцать, — приказала она и сунула ему чаевые. — Прямо сейчас, немедленно. Разбуди его и скажи: сюрприз от Марты.

— Сюрприз от Марты, — повторил парнишка.

Заперев за ним дверь, она опустилась на диван, повертела в руках пистолет и прислушалась. С лестничной площадки доносился удаляющийся грохот перетаскиваемых коробок: лязг металлических обломков, побрякивание шестеренок и скрежет проводов.

Это было последнее, что она слышала в своей жизни.